Ю. Терапіано

НА ВѢТРУ

ПАРИЖЪ

РУССКІЕ ПОЭТЫ

Выйдутъ въ этой же серіи въ теченіе 1933 года сборники стиховъ слѣдующихъ авторовъ:

4. ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ
5. Л. КЕЛЬБЕРИНЪ
6. МАРИНА ЦВѢТАЕВА
7. Б. ПОПЛАВСКІЙ
8. ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ
9. ГЕОРГІЙ РАЕВСКІЙ
10. А. ГИНГЕРЪ
11. АМАРИ (М. ЦЕТЛИНЪ)
12. АЛЛА ГОЛОВИНА

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

1. В. СМОЛЕНСКІЙ. — «Наединѣ».
2. З. ГИППІУСЪ. — «Сіянія».

Складъ изданія :
«ДОМЪ КНИГИ»
9, rue de l'Eperon, PARIS 6^e^.

СЕРІЯ

РУССКІЕ ПОЭТЫ

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

№

Настоящій сборникъ изданъ въ количествѣ двухсотъ экземпляровъ, изъ которыхъ двадцать экземпляровъ пронумерованныхъ отъ 1 до 20 въ продажу не поступаютъ.

Ю. ТЕРАПІАНО

НА ВѢТРУ

«СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»

ПАРИЖЪ

C'est vrai que je Vous cherche
et ne Vous trouve pas...

P. Verlaine.

Быть можетъ, въ старости увидишь ты закатъ
И вспомнишь тѣсное чужое небо,
Каштаны вдоль бульваровъ, зимній садъ,
Глотокъ воды, сухую корку хлѣба,

Любовь, которой не было всерьезъ
(— Изгнанника печальныя примѣты), —
И вдругъ, — какъ дождь, какъ милліоны розъ,
Какъ чудо розъ святой Елизаветы...

Чугунъ, гранитъ. Рѣки глухія воды.
Конецъ столѣтья, гордый пустоцвѣтъ.
Шумъ сборищъ, воздухъ споровъ и свободы,
Закатъ, еще похожій на разсвѣтъ —

Имперіи расцвѣтъ и увяданье,
Осенній дождь, туманъ и мокрый снѣгъ,
Тоска, безвыходность и состраданье —
Серебряный, и все жъ великій, вѣкъ.

Мы научились принимать безъ позы
И свѣтъ и мракъ. Увы, узнали мы
Арктическіе бѣлые морозы
И жаркія объятія Москвы.

Листокъ невѣдомый, листокъ кленовый
Вновь сорванъ съ вѣтки, буря мчитъ его
Вдаль, въ холодъ, въ дождь, къ брегамъ чужбины новой
Для смутнаго призванья своего.

Но здѣсь цвѣтутъ блаженною весною
Каштаны вдоль бульваровъ, и закатъ
Надъ городской разрушенной стѣною
Прекраснѣе былого во сто кратъ.

Вслѣдъ обреченной гибели Европѣ
Заря встаетъ и утро свѣжесть льетъ
И, не умѣя думать о потопѣ,
Офелія, безумная, поетъ,

Бредетъ, съ полузакрытыми глазами,
Надъ омутомъ... И, стоя на краю,
Съ отчаяньемъ, восторгомъ и слезами
Я гибель и Офелію пою.

Сіяющій огнями надъ Невой,
Смятенный городъ — ропотъ, плачъ, волненье,
Двухъ черныхъ троекъ топотъ роковой —
О, эти дни, которымъ нѣтъ забвенья!

Фельдъегерь бѣшено кричитъ во тьму
На ямщика — усталость, холодъ, злоба;
Мертвецъ въ гробу колотится: ему
По росту не успѣли сдѣлать гроба...

И этотъ стукъ, Россіи смертный грѣхъ,
На Васъ, на дѣтяхъ вашихъ и на всѣхъ.

ПИСЬМО

1.

Воскресный день, сырой и душный.
Что дѣлать мнѣ? Вездѣ тоска,
Свинцово-сѣрый сводъ воздушный,
Деревья, люди, облака —

Весь міръ, какъ будто поневолѣ,
Томится въ скучномъ полуснѣ.
Поѣхать въ лѣсъ? Поѣхать въ поле?
Теперь все безразлично мнѣ.

2.

Еще недавно такъ шумѣли
Витіи наши обо всемъ,
Еще недавно «къ свѣтлой цѣли»,
Казалось намъ, что мы идемъ,

Что мы «горимъ», что вправду «пишемъ»,
Что «дѣло насъ въ Россіи ждетъ»,
Что «воздухомъ мы вольнымъ дышимъ»,
Что мы «въ посланіи» — и вотъ

Лишь скудное чужое небо,
Чужая чахлая трава
И, словно камень вмѣсто хлѣба,
Слова, газетныя слова.

3.

Я вѣрилъ въ тайное сближенье
Сердецъ, испытанныхъ въ бѣдѣ,
Я думалъ — горнее служенье
Дано изгнаннику вездѣ.

Но вѣрность — высшая свобода,
Измѣной вѣрныхъ смущена.
— Безсонной ночью, до восхода...
Паденье до конца, до дна.

Лишь пѣна, что въ пескѣ прибрежномъ
Кипитъ, несомая волной,
Лишь горы, что видѣньемъ снѣжнымъ
Вдали стоятъ передо мной...

4.

Безъ «возвышающихъ обмановъ»,
Гостями странными вездѣ,
Чужіе — средь различныхъ становъ
И не любимые нигдѣ —

Вы, обреченные судьбою,
Друзья, хранители огня,
Друзья, гонимые со мною
Враги сегодняшняго дня.

5.

Куда намъ, съ нашей нищетою,
Въ сегодняшній стучаться день?
Надъ стадомъ — вѣщей чернотою
Орлиная несется тѣнь.

Война. Гражданское волненье...
— Но прочь! Вдоль темныхъ береговъ
Люблю воды глухое пѣнье,
Сіянье горныхъ ледниковъ.

Тропой кремнистой надъ обрывомъ
Иду одинъ. Навстрѣчу мнѣ
Неумолкаемымъ приливомъ
Несутся тучи въ вышинѣ.

О чемъ писать теперь? Я утомленъ,
Не хочется мнѣ думать объ искусствѣ;
Сейчасъ, когда гроза со всѣхъ сторонъ,
Не время даже помышлять о чувствѣ
Гармоніи. Высокій строй стиха,
Высокій голосъ Богъ судилъ другому.
Печаленъ я: печаль всегда тиха.
Бѣднякъ, кряхтя, ложится на солому
Въ сараѣ скотномъ, чтобъ увидѣть сонъ. —
И бѣдняку, навѣрное, приснится
Что сталъ богатъ онъ. Славой обойденъ,
Во снѣ онъ знатнымъ титуломъ кичится
И пригоршнями — гдѣ ужъ скучный счетъ, —
Швыряетъ золото... А мнѣ — другое:
Рѣка прохладой лѣтнею влечетъ
На берегъ съ удочкой. Насъ въ мірѣ — двое.
Кусты, шоссе, деревья, облака —
Съ раскрытымъ воротомъ — жара какая!
Купанье, солнце, тишина, пока
Насъ — только двое... Рѣзкій трескъ трамвая,
Звонокъ, — и вмигъ срывается мечта.
Зима зима! Въ дождь, въ грязь, на мостовую!
А помнишь, отъ терноваго куста
Ты вѣточку оторвала сухую?

Подъ деревенскимъ грустнымъ алтаремъ
Мы вечеромъ сидѣли и молчали;
Надъ ржавымъ католическимъ крестомъ
Качаясь, паутинки проплывали,
А зрѣющія свѣжія поля —
Совсѣмъ Украйна... Домъ подъ крышей красной,
Потрескавшаяся, въ пыли, земля.
— Нѣтъ, этотъ воздухъ, свѣтлый и прекрасный,
И лѣсъ, и одиночество съ тобой
Зачѣмъ намъ вспоминать, къ чему все это?
Есть грѣхъ, безъ оправданья, безъ отвѣта
Предъ Богомъ, предъ людьми, передъ собой:
Увидѣть свѣтъ — и отойти отъ свѣта.

Я стою въ тишинѣ,
Огоньки, какъ во снѣ,
Никого. Одиночество. Ночь.

Никакой красотѣ,
Никакой высотѣ,
Ни себѣ, ни другимъ не помочь.

И напрасно я жду.
Вѣтеръ гаситъ звѣзду —
Свѣтъ послѣдній — какъ будто навѣкъ.

Въ аравійской пустынѣ, на льду, на снѣгу,
На панели, въ окнѣ, въ освѣщенномъ кругу
Навсегда одинокъ человѣкъ.

Въ прошлые дни —
Счастья, молодости и печали,
Вечеромъ, въ сумеркахъ лѣтнихъ, огни
Вдоль зеленыхъ витринъ расцвѣтали.

И подъ легкимъ туманомъ, подъ мелкимъ дождемъ,
Сквозь шуршанье шаговъ безпокойныхъ прохожихъ,
Выплывали дома, невозможные днемъ,
Строемъ стѣнъ ни на что не похожихъ.

И въ безсмысленномъ мірѣ для насъ, милый другъ,
Замыкался сіяющій радостный кругъ,
О которомъ — глаза, выраженье лица, —
О которомъ нельзя разсказать до конца.

Я боленъ. Не вѣрится въ чудо,
И не было чуда, и нѣтъ.
Я понялъ: ко мнѣ ниоткуда
Уже не доходитъ отвѣтъ.

Лишь въ старости, лишь черезъ годы
Холодной и долгой зимы,
Я вспомню — явленье свободы,
Что въ юности видѣли мы.

Но развѣ для смертнаго мало —
Въ желѣзахъ, въ темницѣ, во рву —
Такого конца и начала
Свидѣтелемъ быть наяву?

Клонитъ ко сну, наплываютъ тяжелыя мысли,
Отблескомъ мутнымъ мерцаетъ вверху потолокъ.
Ни о какомъ вдохновеньи, о правдѣ, о смыслѣ
Я не могу разсказать. Темнота и песокъ,

Берегъ высокій и строй одинокихъ мечтаній.
Небо ночное омыто недавнимъ дождемъ,
Ясная осень, холодный просторъ разстояній,
Каменный, мѣрно дрожащій подъ грохотъ автобусовъ,
домъ.

И пламенѣютъ цвѣты на убогихъ лиловыхъ обояхъ,
Нѣжность въ груди наростаетъ, звуча въ тѣснотѣ, какъ
прибой;
Смутная женственность, какъ мнѣ поладить съ тобою,
Какъ мнѣ смириться, и дальше — какъ быть мнѣ съ
тобой?

ИЗОЛЬДА

Изольда, доносится зовъ приглушенный
Чрезъ море, чрезъ вѣчность, чрезъ холодъ и тьму.
Нечаянно выпитъ, пажемъ поднесенный,
Любовный напитокъ — проклятье ему!

Изольда, мы избраны Богомъ и небомъ,
Изольда, любовь — это случай слѣпой,
Надъ брачной фатою, надъ солью и хлѣбомъ
Смыкаются своды пучины морской.

Средь солнца, средь волнъ, средь полунощной стужи,
Подъ грохотъ прибоя, подъ шелестъ дубовъ,
Отнынѣ прославятъ бретонскіе мужи
Несчастье твое до скончанья вѣковъ.

Изольда, ты слышишь: навѣки, навѣки
Печальная повѣсть о жизни земной:
Два имени будутъ, какъ горныя рѣки,
Сливаться въ одинъ океанъ ледяной.

Лицо твое свѣтитъ средь бури и мрака,
Кольцо твое тонетъ въ кипящей водѣ,
И грѣхъ твой и ложь оскверненнаго брака
Самъ Богъ покрываетъ на божьемъ судѣ.

Молись — но молитва не справится съ горемъ,
Вино пролилось, колдовская струя,
И тяжестью черной темнѣетъ надъ моремъ
Нашъ гробъ, нашъ чертогъ — роковая ладья.

Господи, Господи, Ты ли
Проходилъ, усталый, стократъ
Вечеромъ, въ облакѣ пыли,
Мимо этихъ простыхъ оградъ.

И на пиръ въ галилейской Канѣ
Между юношей, между женъ
Ты входилъ, не огнемъ страданья,
Но сіяніемъ окруженъ.

Въ часъ, когда я сердцемъ съ Тобою
И на ближнихъ зла не таю,
Небо чистое, голубое,
Вижу я, какъ будто въ раю.

Въ черный день болѣзни и горя
Мой горячій лобъ освѣжитъ
Воздухъ съ берега свѣтлаго моря,
Гдѣ донынѣ Твой слѣдъ лежитъ.

И когда забываю Бога
Въ темномъ мірѣ злобы и лжи,
Мнѣ спасенье — эта дорога
Средь полей колосящейся ржи.

Въ городской для бѣдныхъ больницѣ
Ты въ январьскій день умерла.
Опустила сидѣлка рѣсницы,
Постояла — и прочь пошла

Изъ палаты, чтобъ докторъ дежурный
Смерть отмѣтилъ. А день за окномъ
Былъ сухой, холодный и бурный.
Съ заострившимся бѣлымъ лицомъ

На кровати подъ одѣяломъ
Ты лежала. И чудо вошло
Въ наше сердце. Въ лѣсу за вокзаломъ
Много снѣга за ночь намело.

Гробъ сосновый съ трудомъ сносили
По обмерзшимъ ступенямъ. И вотъ
Все какъ прежде. Похоронили.
День за днемъ, годъ за годомъ идетъ.

Но въ таинственномъ освѣщеньи
Погребальный хоръ надъ тобой
Рвался въ небо въ такомъ волненьи
И съ такой безысходной мольбой,

Что — и каменный сводъ бы раскрылся...
Годовщина. Какъ будто вчера
Гробъ закрыли, снѣгъ прекратился,
Дождь холодный пошелъ съ утра.

Мнѣ въ юности казалось, что стихи
Даръ легкій и прекрасный. Въ смѣнахъ года,
Въ солнцестояньи, въ звѣздахъ, въ силѣ вѣтра,
Въ прибоѣ волнъ морскихъ — вездѣ, во всемъ —
Создателя пречистое дыханье,
Высокій строй Его, — и счастливъ тотъ
И праведенъ, кому дано отъ Бога
Быть на землѣ поэтомъ...
— Горькій даръ —
Скажу теперь. Я ничего не знаю —
Ни ближняго, ни Бога, ни себя,
Не знаю цѣли, а мое призванье —
Безуміе, быть можетъ.
О, когда бъ
Нашелъ я силу до конца повѣрить,
О, если бъ могъ я, если бы сумѣлъ
Отвергнуть суету, уйти въ пустыню —
Туда, гдѣ въ первозданной простотѣ
Распаду наше чувство неподвластно,
Гдѣ наша мысль осквернена не будетъ
Тщеславіемъ безплоднымъ; гдѣ любовь,
Какъ высота нагорняя, отъ вѣка
Для чистыхъ сердцемъ, для любимыхъ Богомъ,
Для вѣрныхъ навсегда утверждена.

И вотъ, опустошенъ, въ который разъ
Смотрю на небо лѣтнее ночное
Надъ улицей. Пустынно и темно.
Прозраченъ воздухъ. Сыростью и тлѣньемъ
Изъ парка вѣетъ. Спятъ мои враги,
Спятъ и друзья. Вверху сіяютъ звѣзды.

ДОНЪ - ЖУАНЪ

1.

Что по свѣту вамъ искать награды,
Ссоръ съ мужьями Сьены и Гренады?
Что хранить подъ складками плаща:
Шрамъ пониже праваго плеча,
Ленты, сувениры и рапиру,
Ленъ и шелкъ, тоску и пустоту?
Кто вы, рыцарь, завѣщавшій міру
Всю безвыходность и красоту?

2.

Чтобы сдѣлать каждый мигъ короче,
Полюбивъ, вы любите двѣ ночи,
Много — мѣсяцъ (лунный!), а потомъ
Стоитъ ли и говорить о томъ?
Многое подвластно вашей силѣ:
Вы уйдете, вамъ ли измѣнили,
Вмѣстѣ ль начинаете скучать —
Слишкомъ мало любятъ Донъ-Жуана,
Отравилась только донна Анна, —
Спитъ она, и на устахъ печать:
Больше вамъ не будетъ докучать!

3.

«Служатъ дамамъ честь моя и шпага,
Серенады прославляютъ ихъ...»
— «Бѣшеная удаль и отвага,
Кольца и перчатки и бумага
Женскихъ писемъ...
Бѣдный мой женихъ!

Развѣ ты не знаешь: есть другіе
Пени, вздохи, жалобы и сны —
Въ женщинѣ и Марфа и Марія
Неразрывно соединены.

4.

— Вечерами — во дворцахъ и въ храмахъ,
По ночамъ — въ саду и у окна
Сколько ихъ, прекрасныхъ и упрямыхъ,
Ласковыхъ и нѣжныхъ, какъ она...

— Такъ вы на прощанье говорили.
Что же? Клятвы, слезы и обманъ?
Васъ ли по достоинству цѣнили,
Стройный и прекрасный Донъ-Жуанъ?

5.

Донъ-Жуанъ, вы правы, время скупо,
Да, любовь не вѣчна и проста.
Вѣчно только море бьетъ въ уступы
Прочныхъ скалъ у этого моста.

Только Богъ, что въ небѣ звѣзды множитъ,
Долженъ думать о любви такой;
Тѣло, грѣшное, отдать не можетъ
Больше раза дѣвственный покой.

И къ чему тогда съ такой отвагой,
Ради призрака, кого ища,
Вы звенѣли безполезной шпагой,
Пыльный плащъ по камнямъ волоча?

6.

Донъ-Жуанъ, вы Анну позабыли —
(Вспомнилось — при словѣ Анна — столько
лицъ!...)
Помните: лучи и тѣни плыли
Словно крылья стимфалійскихъ птицъ.

Помните: Господь желѣзнымъ градомъ
Въ крышу келіи моей стучалъ.
Шли съ тобою мы цвѣтущимъ садомъ,
Почему же ты тогда молчалъ!

7.

Донъ-Жуанъ, вы ждете у погоста?
Ждите, ждите, — мѣсяцы, года.
Плачете? Вы не любили п р о с т о:
Значитъ — не любили никогда.

Донъ-Жуанъ, вы не любили долго:
Часъ насталъ для Божьяго суда.
Кто не платитъ здѣсь святого долга,
Тотъ во тьмѣ пребудетъ навсегда.
Плачете — надъ этой грудой шелка? —
Донна Анна польщена, горда.
Шарфъ ея и черная наколка...
Полно, милый, стоитъ ли труда!

ФРАНЦУЗСКІЕ ПОЭТЫ.

П. ВЕРЛЭНЪ

«Какъ въ пригородѣ подъ мостомъ рѣка
Влечетъ въ своемъ замедленномъ теченьи
Грязь городскую, щебень, горсть песка
И солнечнаго свѣта преломленье,

Такъ наше сердце гибнетъ — каждый часъ, —
И ропщетъ плоть и проситъ подаянья,
Чтобъ Ты сошла и облачила насъ
Въ достойное безсмертныхъ одѣянье...»

— Свершилось. Посѣтило. Снизошло. —
Онъ слышитъ шумъ шаговъ твоихъ, Марія,
А за окномъ на мутное стекло
Блестя, ложатся капли дождевыя.

Но голова горитъ въ огнѣ, въ жару
Отъ музыки, отъ счастья, отъ похмѣлья;
Изъ темноты, подъ ливень, поутру
Куда нибудь, на свѣтъ изъ подземелья

По лѣстницѣ спѣшитъ, шатаясь, онъ. —
Какъ выдержать такое опьяненье!
Свѣтаетъ. Надъ рѣкой несется звонъ
И въ церкви утреннее слышно пѣнье.

АРТУРЪ РЭМБО

Короткоштанный пасынокъ Війона,
Нечистый воротникъ, пухъ въ волосахъ...
— Вы для народа — оба внѣ закона
И не любимы тамъ, на небесахъ.

Подъ звонъ тарелокъ въ кабакѣ убогомъ
Убогій ужинъ съ другомъ, а потомъ
Стихи — предъ вѣчно пьянымъ полубогомъ,
Закутаннымъ въ дырявое пальто.

И ширится сквозь переулокъ грязный
Просторъ, и вдругъ среди хрустальныхъ водъ
Качается, въ тактъ музыкѣ безсвязной,
На захмелѣвшемъ бригѣ мореходъ.

Что видѣлъ грѣшникъ, не принявшій славы,
Что сердцемъ понялъ, сразу, свысока
Смотря съ борта на чахлыя агавы,
На скудость чернаго материка?

Но, ослѣпленный внутреннимъ сіяньемъ,
Онъ душу потерялъ, онъ сталъ безъ крылъ,
Сталъ мудрымъ — несказаннымъ, новымъ знаньемъ,
И никогда о немъ не говорилъ.

ЛЕКОНТЪ ДЕ ЛИЛЬ

«Міръ — стройная система, а разливъ
Неукрощенныхъ чувствъ доступенъ многимъ.
Поэтъ лишь тотъ, кто чувство подчинивъ,
Умѣетъ быть достойнымъ, мудрымъ, строгимъ»...

Перчатки, отвороты сюртука
И властный профиль — мнѣ такимъ онъ снится.
Онъ былъ скупымъ: спокойствіе песка,
Въ которомъ бѣшеный самумъ таится.

Мнѣ снится онъ, надменный и прямой —
Прямыя линіи присущи силѣ;
Былъ одинокъ всегда учитель мой:
Склонялись передъ нимъ, но не любили.

Онъ говорилъ: «Сверхличнымъ стань, поэтъ,
Будь вѣрнымъ зеркаломъ и тьмы и свѣта,
Будь прямъ и твердъ, когда опоры нѣтъ,
Ищи въ другихъ не отзвука — отвѣта.

И міръ для подвиговъ откроется, онъ твой,
Твоими станутъ, звѣри, люди, боги;
Вотъ мой завѣтъ: пойми верховный строй —
Холодный, сдержанный, геометрично-строгій.

Снѣгъ на вершинахъ, сталь, огонь, алмазъ
Богъ создалъ мѣрой высшей мѣры въ насъ!».

СТЕФАНЪ МАЛЛАРМЕ.

«Чахотка нынѣ генія удѣлъ!
Въ окно больницы льется свѣтъ потокомъ,
День, можетъ быть, послѣдній, догорѣлъ,
Но ангелъ пѣлъ намъ голосомъ высокимъ.

Блуждали звѣзды въ стройной тишинѣ,
Часы въ палатѣ медленно стучали.
Лежать я буду: солнце на стѣнѣ,
На бѣлой койкѣ и на одѣялѣ.

Я въ этомъ пыльномъ городѣ умру,
Вдругъ крылья опущу и вдругъ устану,
Раскинусь чернымъ лебедемъ въ жару,
Пусть смерть въ дверяхъ, но я съ постели встану:

Я двигаюсь, я счастливъ, я люблю,
Я вижу ангела, я умираю,
Я мысли, какъ корабль вслѣдъ кораблю,
Въ пространство безъ надежды отправляю.

Вотъ солнцемъ освѣщенный влажный лугъ,
Вотъ шелестъ вѣтокъ, паруса движенье... »,
Поэтъ очнулся. Онъ глядитъ — вокругъ
Коляски, шумъ. Сегодня воскресенье.

Цвѣтутъ каштаны — о, живой потокъ!
Цвѣтутъ акаціи — о, цвѣтъ любимый!
Онъ шелъ, онъ торопился на урокъ,
Озлобленный, усталый, нелюдимый,

Остановился гдѣ то самъ не свой —
Духъ дышетъ тамъ, гдѣ хочетъ и гдѣ знаетъ —
Какая тема странная: больной
Въ общественной больницѣ умираетъ.

Какимъ скупымъ и безпощаднымъ свѣтомъ
Отмѣчены гонимые судьбой,
Непризнанные критикой поэты,
Какъ Анненскій, поэтъ любимый мой.

О, сколько разъ въ молчаньи скучной ночи
Смотрѣлъ онъ, тотъ, который лучше всѣхъ,
На рукопись, на рядъ ненужныхъ строчекъ,
Безъ вѣры, безъ надежды на успѣхъ.

Мнѣ такъ мучительно читать съ какою
Любезностью — иль самъ онъ былъ во снѣ —
И беззаконно славилъ какъ героя
Баяна, — что гремѣлъ по всей странѣ

И называлъ поэзіей — чужія
Пустыя сладкозвучныя слова...
И шелъ въ свой паркъ... И съ нимъ была Россія,
Донынѣ безутѣшная вдова.

Паркъ расцвѣтающій, весенній,
Въ прудѣ глубокомъ отраженъ;
Мерцаньемъ призрачныхъ растеній
Взоръ лебедей завороженъ.

Какою тайной беззаконной
Вода притягиваетъ ихъ?
Міръ подлинный, міръ преломленный —
Какой правдивѣе для нихъ?

Какъ человѣку, бѣлой птицѣ
Даны просторъ и высота;
Ей предъ разсвѣтомъ та же снится
Земли печальной красота.

Но, созерцая отраженье
Лучей, встающее со дна,
Намъ недоступное ученье
О небѣ черпаетъ она.

Качалось дерево сухое
Въ ненастный вечеръ за окномъ,
Садъ почернѣлъ, какъ остовъ Трои,
Соженной гибельнымъ огнемъ.

Всю ночь до самаго разсвѣта
Очагъ, дымя, пылалъ въ углу
И дождь, размѣренно, какъ Лета,
Стекалъ беззвучно по стеклу.

Нигдѣ ни шороха, ни стука,
Все то же, какъ сто лѣтъ назадъ:
Грязь на дорогѣ, вѣтеръ, скука,
Восходъ, похожiй на закатъ.

КОМАНДАРМЪ.

Командармъ подъ стражей, подъ замкомъ
Часовые, сторожа кругомъ.

Завтра рано утромъ повезутъ
Командарма краснаго на судъ.

— Ты предатель родины и воръ,
Съ заграницей велъ ты разговоръ,

Ты съ собакой-Троцкимъ яму рылъ,
Съ мертвымъ Каменевымъ ворожилъ!

И увидѣлъ вдругъ — въ дыму, въ огнѣ
Онъ себя на золотомъ конѣ:

Какъ онъ передъ строемъ гарцовалъ,
Шашкою отмахивалъ сигналъ.

— Помнишь, помнишь — синій поѣздъ твой,
Ярко-красный флагъ надъ головой?

Какъ равнялся конный строй, пыля,
Какъ гудѣла, какъ тряслась земля;

Какъ съ плеча рубилъ ты, осердясь,
Какъ поляковъ втаптывалъ ты въ грязь;

Какъ кричалъ ты: «бѣлыхъ выводи!»
Какъ сердца стучали въ ихъ груди,

Какъ подъ утро наряжали взводъ
Вывести ихъ начисто въ расходъ.

— Съ пулею въ затылкѣ, руки врозь, —
Завтра станемъ братьями, небось!

СТИХИ О ГРАНИЦѢ.

1.

Бьется челнокъ одинокій
Времени въ ткацкомъ станкѣ,
Вѣтеръ шумитъ на востокѣ,
Тучи идутъ налегкѣ.

И въ облакахъ, искушая
Смѣлостью гибельный рокъ,
Птичья летящая стая
Ищетъ пути на востокъ.

Смотритъ въ пространство пустое:
Неодолимо оно.
Сердце мое слюдяное,
Бѣдное свѣтомъ окно!

2.

Хмуро надвинувъ наличникъ,
Путь часовой сторожитъ.
Мимо столбовъ пограничныхъ
Заяцъ не пробѣжитъ.

Звѣрю и человѣку:
— «Стой!» — сіянье штыка.
Вѣтеръ сухой черезъ рѣку
Низко несетъ облака.

Въ снѣжную русскую вьюгу,
Въ зимнюю трудную мглу,
Брату родному, другу:
— «Стой! Пропустить не могу!».

3.

Вѣтромъ холоднымъ снѣжнымъ...
— Бьется шинель на вѣтру...
Снѣгомъ пушистымъ, нѣжнымъ...
— Ближе къ огню, къ костру...

— И надъ полями пустыми
Громче, все громче, яснѣй
Слышится чудное имя
Будущей славы твоей.

4.

Россія! Съ тоской невозможной
Я новую вижу звѣзду —
Мечъ гибели, вложенный въ ножны,
Погасшую въ братьяхъ вражду.

Люблю тебя, проклинаю,
Ищу, теряю въ тоскѣ,
И снова тебя заклинаю
На страшномъ твоемъ языкѣ.

Imprimerie VAL, 124, rue Compans. Paris 19.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
«ДОМЪ КНИГИ»
9, rue de l'Eperon, PARIS 6e.